

Максим Горький

Чужие люди

Заметки из дневника. Воспоминания

Максим Горький

Чужие люди

«Public Domain»

1923

Горький М.

Чужие люди / М. Горький — «Public Domain», 1923 — (Заметки из дневника. Воспоминания)

В журнале «Врач» напечатана корреспонденция из Владивостока: «Здесь среди босяков умер врач А. П. Рюминский. Когда несчастный заболел, его отвезли было в городскую больницу, но там его не приняли за неуплату денег за прежнее время, и А. П. пришлось умирать в участке. Босяки устроили покойному тёплые проводы, причём один из них сказал следующую прощальную речь: „Ты жил между нами, покинутый и забытый своими... То горе жизни и те пороки, которые мы носили и делили вместе, были нашим общим несчастьем. И вот мы здесь... собрались проводить тебя в желанную для всех нас могилу...“»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Максим Горький

Чужие люди

В журнале «Врач» напечатана корреспонденция из Владивостока:

Здесь среди босяков умер врач А. П. Рюминский. Когда несчастный заболел, его отвезли было в городскую больницу, но там его не приняли за неуплату денег за прежнее время, и А. П. пришлось умирать в участке. Босяки устроили покойному тёплые проводы, причём один из них сказал следующую прощальную речь: «Ты жил между нами, покинутый и забытый своими... То горе жизни и те пороки, которые мы носили и делили вместе, были нашим общим несчастьем. И вот мы здесь... собрались проводить тебя в желанную для всех нас могилу...»

Я дважды встречал этого человека: в 91 году около Майкопа, на Лабе, а потом, лет через десять, в Ялте. На шоссе, над Лабою, компания ростовских босяков «била щебёнку». Я набрёл на них вечером, когда они, кончив работу, готовились пить чай. Толстый бродяга с длинной седой бородой озабоченно прилаживал чайник над маленьким костром; в стороне, под кустами, лежало трое его товарищей и сидел на куче булыжника кто-то в чесунчовом костюме¹, в широкой соломенной шляпе и белых туфлях. Он держал в пальцах папиросу, отсекал взмахами тоненькой трости серый дымок табака и, не глядя на людей, спрашивал их:

– Так – как же, а?

На синеватой воде быстрой Лабы колыхались кумачовые отблески зари; рыжая, бритая степь дышала жаром, за рекою сверкали, точно груды парчи, огромные ометы соломы, в туманной дали поднимались к небу лиловые горы, и где-то далеко торопливо тархтела молотилка.

Человек с опухшим лицом больного водянкой грубовато сказал:

– Вы, барин, бросьте очки втирать мне, я сам фельдшер...

– Вот как?

– Да. Так-то вот...

– Вот как? – повторил барин, помахивая тростью, отсекая дым. И, взглянув на меня странными глазами, спросил:

– А вы кто, молодой человек?..

– Молодой человек, – ответил я; босяки одобрительно взглянули на меня.

Выпуклые глаза «барина» очень ярки и, улыбаясь насмешливой улыбкой, точно присасывались к лицу моему. Этот сухой, хватающий взгляд вызвал у меня неприятное ощущение щекотки и навсегда остался в памяти моей. Тонкое, холёное, чисто выбритое лицо человека было надменно. Когда один из босяков, лениво переваливаясь с бока на бок, коснулся его ног, человек быстро отдернул маленькие ноги свои и предостерегающе поднял трость белой, изящной рукою. На пальце его золотой перстень с крупным опалом, «камнем несчастья», в радужной игре опала было что-то общее с блеском глаз надменного человека. Ленивеньким, но раздражающим, задорным баритоном он всё выпрашивал людей: кто они? Отвечали ему неохотно, грубо, но это не смущало его, он переводил крепко обнимающий взгляд с одного лица на другое и назойливо говорил:

– А что же будет, если все начнут жить так же безответственно, как вы?

– Мне какое дело? – сердито пробормотал фельдшер, а бородатый, у костра, спросил хрипящим голосом:

– Вы – кому отвечаете?

И победоносно добавил:

– То-то!

¹ чесунча или чесуча – грубоватая, матовая шёлковая, или в смеси с хлопком, ткань с неравномерной рельефной поверхностью желтовато – белого цвета из волокна дикого шелкопряда – Ред.

С чудесной быстротою, незаметно, степь покрылась южной ночью, на потемневшем небе вспыхнул густой посев звёзд, на реке заколыхался чёрный бархат, засверкали золотые искры. В торжественной траурной тишине стал почему-то сильнее слышен горький запах дыма.

Люди, достав из котомок хлеб и вкусное сало, начали есть, а барин, щёлкая тростью по своим туфлям, всё спрашивал:

– Но что же будет, если порвать все связи с жизнью?

Седой угрюмо ответил:

– Ничего и не будет.

Где-то за рекою уныло скрипела арба, посвистывали суслики. Костёр угасал, красненькие искры прыгали в воздух, бесшумно откатывались в сторону круглые угли сгоревших веток.

– Аркадий Петрович! – донёсся издали звонкий, женский голос. Человек с перстнем ловко встал на ноги, сбил пыль с брюк ударами трости и, сказав: «До свидания!» – пошёл берегом реки в темноту. Его проводили молча.

– Кто это? – спросил я.

– А чёрт его знает...

– Тут, у казаков живёт, на даче, что ли...

– Назвался – доктором.

Отвечали намеренно громко, явно желая, чтоб человек слышал, как говорят о нём. Тоненький, рыжий босяк с язвами на лице вытянулся на земле вверх лицом и сказал:

– До звезды – не доплюнешь.

А фельдшер сердито проворчал:

– В Турцию надо пробираться, братья. Хороший народ турки. Надоело мне здесь...

...Однажды, не встретив Д. Н.Мамина-Сибиряка в городском саду Ялты, обычном месте наших свиданий, я пошёл к нему в пансион и, войдя в комнату Мамина, сразу наткнулся на выпуклые глаза. Яркий блеск их тотчас напомнил мне вечер на Лабее, босяков и доктора в чесунче.

– Вот, знакомьтесь, – сказал Дмитрий Наркисович, махнув на гостя короткой, толстой рукою, – интересная миазма!

Гость приподнял голову и снова опустил её, упёршись подбородком в край стола; так – голова его казалась отрезанной. Сидел он согнувшись, далеко отодвинув стул, руки его были скрыты под столом. С обеих сторон лысого черепа рогато и задорно торчали вихры сивых волос, открывая маленькие уши. Мочки ушей оформлены резко, как будто вспухли. На бритом лице воинственно топорщились серые усы. На нём синяя рубаха, оторванный ворот её не застёгнут, обнажает кусок грязной шеи и мускулистое правое плечо. Сидит он так, как будто приготовился перепрыгнуть через стол, а под столом торчат его босые ноги в татарских туфлях. Зорко присматриваясь ко мне, он говорит знакомым, ленивеньким баритоном:

– Есть такой грибок, по-латыни его зовут: мерулиус лакриманс, – плачущий; он обладает изумительной способностью втягивать влагу воздуха. Дерево, заражённое им, гниёт с чудовищной быстротой. Достаточно, чтоб одна балка построенного вами дома была поражена этим грибком, и – весь дом начинает гнить.

Подняв голову, доктор стал медленно высасывать пиво из стакана, двигая острым кадыком; кадык и щёки его были покрыты тёмной густой шерстью.

Мамин, уже сильно выпивший, внимательно слушал, выкатив свои огромные, круглые глаза. Под его армянским носом дымилась любимая коротенькая трубка, он покачивал головою и сопел, втиснув круглое, тучное тело своё в плетёное кресло.

– Всё врёт, миазма, – сказал он, когда гость начал пить, а гость, опустошив стакан, снова наполнил его и, облизывая намокшие в пене усы, продолжал:

– Так вот: русская литература – нечто очень похожее на этот грибок; она впитывает всю сырость жизни, грязь, мерзость и неизбежно заражает гниением здоровое тело, когда оно соприкоснется с нею.

– А? – спросил Мамин, толкнув меня локтем. – Каково?

– Литература – такое же болезнетворное, гниlostное начало, как этот плачущий грибок, – невозмутимо и настойчиво повторил гость.

Мамин начал тяжело ругать злого критика и, схватив пустую бутылку, застучал ею по столу. Боясь, как бы он не стукнул по лысому черепу гостя, я предложил ему пойти гулять, но гость встал и бесцеремонно – кажется, искусственно – зевнул.

– Это я пойду гулять, – сказал он, усмехаясь, и ушёл, шагая легко, быстро, как привычный пешеход.

Дмитрий Наркисович рассказал мне, что человек этот привязался к нему в порту, заинтересовал его своим злоречием и второй день раздражает, всячески порицая литературу.

– Присосался, как пиявка. Отогнать – духа не хватает, всё-таки он интеллигентный подлец. Доктор Аркадий Рюминский, фамилия от рюмки, наверное. Умная бестия, злая! Пьёт, как верблюд, а не пьянеет. Вчера я с ним целый вечер пил, он рассказал мне, что пришёл сюда повидаться с женой, а жена у него будто бы известная актриса.

Мамин назвал имя громкое в те годы.

– Действительно, она здесь, но, наверное, эта миазма врёт!

И, свирепо вращая глазами, он стал издеваться надо мною:

– Это – ваш товар, ваш герой, очень хорош! Лгунище. Все неудачники – лгуны. Пессимизм – ложь потому, что пессимизм – философия неудачников...

...Дня через два, поздно ночью, гуляя на холме Дарсан, я снова встретил доктора: он сидел на земле, широко раскинув ноги, перед ним стояла бутылка вина и на листе бумаги лежала закуска – хлеб, колбаса, огурцы.

Я снял шляпу. Вздёрнув голову, он присмотрелся ко мне и приветствовал жестом, воскликнув бойко:

– Ага, узнал! Хотите составить компанию? Садитесь.

И, когда я сел, он, подавая бутылку, измерил меня цепким взглядом.

– Из горлышка, стакана нет. Странная штука: как будто я уже встречал вас в детстве моём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.